

ГЛАВА 1

БРАТЯ НАВЕК

Жальче всего было расставаться с Борей. Конечно, и море было жаль, и галечный пляж с разноцветными камушками, и Серую скалу, и костры по вечерам с печенной в углях картошкой. Но без Бори это все равно было бы не то.

С Серой скалы старшие прыгали в море. На спор или чтобы доказать, как они магически круты. Вообще взрослые им это строго запрещали, потому что у подножия скалы начиналась Акуля бухта — там скалились острыми зубьями крупные камни. Промажешь немного — и никакой маг-целитель потом не сможет тебя собрать. Для устрашения новеньким показывали место, где два года назад разбился на смерть рыжий Артем, — огромный каменный клык в темно-бордовых зловещих потеках. «Кровища так и хлестала, и вода была в тот вечер красная. Тетка приезжая с пацаном искупались, потом отмыться не могли. А после им Артемов призрак являлся и требовал вернуть его кровь...» На этом месте рассказа

новенькие обычно очень сильно пугались, некоторые даже орали. Но Боря сказал, что все это — воронова чушь, что Длинный сам втихаря подкрашивает камень, чтоб было страшнее.

Андрей сам был тут новеньким год назад — они только приехали. Поэтому наслушался всех местных легенд.

Еще когда первый раз по пляжу гуляли, осматривались — все вместе, с Симоном и Лизой, — увидели издалека, как со скалы кто-то прыгнул.

— Ух ты, смотрите, — заметила прыгуна Лиза.

И рассказала все это: про забавы местных мальчишек, про Акулю бухту и про разбившегося насмерть рыжего Артема. И когда только она успела узнать?

А Симон тогда сказал:

— Мелкий, ты туда не вздумай лазить, понял?

А Андрей ответил:

— Я что, дурак?

Лиза на него покосилась подозрительно, но промолчала.

Прыгать он, конечно, не собирался. Просто интересно было поглядеть, как оно там. А там оказалась как раз компания парней с долговязым противным типом во главе, как потом выяснилось, с тем самым Длинным. И еще какой-то пацан с щенком. То есть щенок был у Длинного — он подтаскивал его к себе за поводок, а щенок упирался и рычал. А пацана держал второй парень, заломив тому руки за спину.

— Отдай, она моя! Пожалуйста! — просил пацан, чуть не плача.

— Ты мне должен, шкет, — ответил, ухмыляясь, Длинный, — поэтому все твое теперь мое. Одежда, мотоцикл, собака...

Парни за его спиной заржали.

— Я принесу денег, честно, — быстро сказал пацан, — на следующей неделе. Просто сейчас отчим все забрал, и я...

— Конечно, принесешь, — хмыкнул Длинный. — Только на следующей неделе ты будешь должен уже больше. Проценты капают... кап-кап... Одной собакой не отделаешься.

Парни за его спиной опять захохотали. Видно, они тут озвучивали закадровый смех, как в дурацких комедиях.

— Отдай, пожалуйста! Зачем она тебе?

— Дай подумать... — изобразил размышление Длинный. — Ну, например, проверить, умеет ли твоя собака летать? Вдруг тебе досталось ценное магическое животное, а мы-то и не знаем? Тогда я сразу прощу тебе весь долг, стозеркально.

— Не надо, пожалуйста! — Теперь пацан смотрел на него с ужасом. А Длинный довольно ухмылялся. А потом он увидел Андрея.

— А это еще кто тут? — удивился Длинный. Один из тех, кто подхихикивал, тотчас нашептал своему главарю что-то на ухо.

— А, — сказал Длинный, обозревая Андрея оценивающим взглядом, — приезжий. Из новой закуской. Где самые лучшие хот-кэты? Ну-ну. Ты че здесь, пацанчик, потерял, на нашей скале? Прыгнуть решил? — Он ухмыльнулся.

— Пейзажем полюбоваться, — ответил Андрей, спокойно улыбаясь в ответ.

— Да ну? — не поверил Длинный.

— Ага.

Симон научил Андрея, как надо с такими. Не бояться, не заискивать. Говорить спокойно и дружелюбно. Во-первых, это сбивает их с толку — и они забывают, что хотели на самом деле подраться, а не поговорить. Во-вторых, если говорить уверенно, можно навязать собеседнику свою манеру общения — и так убедить, что вы якобы приятели, а не враги.

Но на самом деле Симон, конечно, говорил, что все это на крайний случай, а вообще, если видишь превосходящие силы противника, лучше по-быстрому отступить. То есть сбежать.

Но отступать Андрею не хотелось — и оставлять тут этого пацана с его мелкой собакой.

— Значит, пейзажами интересуешься? — хмыкнул Длинный.

— Ага. У вас тут красиво.

— А собачками? — ухмыльнулся Длинный, подтянув упирающегося щенка поближе. — У меня тут одна лишняя образовалась. Думал в море выкинуть, но вдруг тебе надо? Вы там у себя из чего хот-кэты делаете? Из кошек?

Подпевалы Длинного опять захихикали, будто он сказал что-то сверхстроумное.

— Давай, — согласился Андрей и протянул руку.

— Значит, из собачек?

— Заходи, попробуешь.

— Э, нет, так просто я тебе ее не отдам.

— Ужин для всех, — предложил Андрей.

— Магически, — ухмыльнулся Длинный и пристально посмотрел на Андрея. — И ты прыгнешь с нашей скалы.

— Зачем это?

— С чужаками мы не договариваемся. Хочешь стать нашим — прыгни. Если не боишься. — Длинный улыбался уже до ушей.

Надо было, конечно, сказать: «Да идите вы со своими дурацкими предложениями» — и уйти. Сдалась ему эта собака. Что он, дурак — прыгать ради этого со скалы?

— Не надо, Длинный, — подал голос пацан. — Он же не наш, может, он вообще плавать не умеет. Еще разобьется. Давай я прыгну.

— Кому Длинный, а кому — Данила Иваныч, — отбрил его главарь и опять повернулся к Андрею:

— Ну, так чего?

«Да пошли вы», — хотел сказать Андрей. Но вместо этого уточнил:

— Значит, если я прыгну с этой вашей скалы, ты отдашь мне собаку?

— Стозеркально, — подтвердил Длинный, продолжая ухмыляться. Он, конечно, не верил, что Андрей согласится. И Андрей точно не собирался соглашаться.

Оказалось, что это со стороны Серая скала выглядела не так уж внушительно. А когда стоишь на ее краю и смотришь на море внизу, видно, что она высоченная, эта скала. А море очень далеко.

И острые камни Акульей бухты далеко, но от этого еще страшнее, потому что непонятно, как прыгнуть так, чтобы не попасть на них...

— Не надо, — опять сказал пацан, теперь уже Андрею. В его глазах были одновременно и страх, и надежда.

«Если что решил — тогда уже не тяни, — говорил Симон. — Чем дольше ждешь, тем страшнее».

И Андрей прыгнул.

Оттолкнуться он сумел правильно, но в воду вошел не так, как надо. Все-таки одно дело — вышка в бассейне, а совсем другое — настоящее море, да еще с такой высоты. Злая соленая вода хлынула ему в нос и в горло, он захлебнулся и пошел ко дну.

Боря — тот самый пацан — потом рассказывал, что лица у парней были обалдевшие — никто от Андрея такого не ожидал. А Боря, увидев, что Андрей не всплывает, заорал:

— Вы его убили, дебилы вороновы!

Оттолкнул того тормозного, который его держал, — тот так растерялся, что даже не сопротивлялся, — и прыгнул следом за Андреем.

Из воды их обоих уже вытаскивал Длинный, у Бори одного сил не хватало тащить Андрея.

И Длинный же откачивал Андрея, а потом орал на них обоих:

— Вы больные оба! Психи стозеркальные! Вы сейчас сдохнуть могли оба!

Длинный оказался не таким уж уродом, как поначалу показалось Андрею. Они даже не то чтобы сдружились, но стали приятелями, по крайней мере

Длинный с тех пор Андрея зауважал и со своей бандой к нему не докапывался. Даже помог Симону разобраться с компанией заезжих гопников, которые пытались наладить получение дани с закуской.

А Боря и Андрей стали лучшими друзьями.

***

— Что, — грустно спросил Боря, — точно едете?

— Стозеркально, — вздохнув, ответил Андрей. Ему самому не хотелось. Тут оставались школа, к которой он уже привык; знакомые одноклассники; море, которое Андрей неожиданно полюбил, — не только купаться, но и просто бродить по берегу, слушать волны, смотреть, как они меняются: спокойные и нежно-бирюзовые — в штиль, злые, почти черные — в шторм. А главное — тут оставался Боря. Самый лучший друг.

— Завтра утром уже, — сказал Андрей.

Они сидели на камнях недалеко от Серой скалы. Солнце уже грело всю, и Гроза — та самая собака, которую год назад Андрей отыграл у Длинного за свой отчаянный прыжок, — растянулась во весь рост на огромном теплом камне, зажмурил глаза от удовольствия. Гроза вымахала в большую лохматую псину, умную и в целом добродушную, но за хозяев готовую порвать любого. Хозяевами она считала обоих: и Борю, и Андрея.

Море было еще холодным. До теплых летних дней, когда можно будет тут сидеть, прожариваясь,

как бычки на сковородке, и с удовольствием болтать ногами в воде, ждать еще месяц-два. Только Андрея тут уже не будет.

— Там тоже море есть, — сказал Боря, видно, заметив тоскливый взгляд друга. — Возле Софиенграда.

— Северное, — ответил Андрей, — там небось только льдины плавают.

— Зато Москву по дороге посмотришь. Вы же заедете?

— Симон вроде обещал, хотя бы на день.

— Может, царевну Анастасию увидишь, — мечтательно сказал Боря.

— Это вряд ли, — усомнился Андрей. — Где я ее увижу?

Боря был влюблен в царевну Анастасию, тайно и, разумеется, безответно. В том смысле, что царевна, конечно же, о Бориной влюбленности не подозревала и ответить ему никак не могла. Вообще, в царевну была влюблена половина одноклассников Андрея, а одноклассницы почти все пытались ей подражать. Получалось у них, прямо скажем, так себе. Да ладно одноклассницы, иногда даже взрослые тетеньки старались делаться «под принцессу». Вот это реально было смешно. Не все, конечно. Например, Лиза не пыталась подражать принцессе, даже наоборот. Волосы стригла коротко, розовые платья не надевала, вместо блестящих босоножек на каблучках носила кроссовки — всегда, даже с юбкой.

— Ну, говорят, она еще собирается в Софиенград приезжать. Вся императорская семья будет.

На праздники, трехсотлетие со дня дарения, ну, помнишь, это когда царевич Петр город царице Софье подарил. Вы же как раз там будете?

— Да, Симон хочет успеть, говорит, можно хорошо заработать в это время.

— В общем, если увидишь, возьми для меня автограф, — смущаясь, попросил Боря.

— Если увижу — обязательно.

— В Софиенграде вообще магически, — вздохнул Боря. — На Университетском острове каналы как в Венеции. Гондолы ходят. Ростральные колонны там, на которых магический огонь, еще сам царевич Петр его настраивал, чтоб на закате зажигался, а на рассвете гас. Музеев куча. В Кунсткамере всяких штук интересных много. Рог единорога. Заготовки для философского камня — только пока никто не понял, как их правильно соединить, чтобы все получилось. Перо из крыла того сокола, которым сам Рюрик оборачивался. Говорят, если до того пера дотронуться и правильное слово сказать, можно самому научиться в птицу оборачиваться. Необязательно в сокола, но в другую. Тоже магически. Я бы хотел. — Взгляд у Бори стал совсем мечтательным. — Например, загнали тебя враги на скалу, а под ней — камни. А ты такой — раз, и улетел от них птицей. Или просто надоело тебе все тут — раз, обернулся птицей и полетел куда хочешь. Скажи, магически?

— Магически, — согласился Андрей.

— Как думаешь, если бы, — задумчиво сказал Боря, — я научился в птицу превращаться, согласилась

бы царевна Анастасия со мной дружить? Я бы ведь тогда мог куда угодно прилетать, никакая стража меня не остановила бы. Хоть в Кремль, хоть в любой дворец. Только... если я ей не понравлюсь? Она умная, шесть языков знает. И добрая. И одаренная, самые безнадежные больные от ее рук исцеляются. И... красивая... — Тут Боря покраснел.

— Отчего это ты ей не понравишься? Ты тоже умный. В шахматный кружок ходишь и в исторический. Только... — Было, конечно, жаль разрушать Борины мечты, но что делать. — Только Лиза говорит, что даже маги на самом деле не умеют ни в кого оборачиваться. Это все сказки.

— А откуда она знает? — недовольно спросил Боря.

— Ну... она вообще много чего знает. И про магов тоже.

— Интересно, откуда, — заметил Боря.

— А твой отчим что говорит? Он же вроде сам маг?

— Да врет он, — хмыкнул Боря, — какой из него маг? И ничего он про магию не говорит, только типа трясется, чтоб его не нашли. И ничего он магического ни разу не сделал. Он небось все придумал, чтоб на диване валяться и не работать. Придумал, что из знатного магического рода, только родные его оболгали и выгнали, чтоб наследством не делиться. И теперь он скрывается — очень удобный ход, чтоб никто не проверил, кто он на самом деле. Ну и, понятно, страдает. То на диване, то за магзеркалом, то за бутылкой. А мать верит. Гордится еще: как же, настоящий маг на нее, простую женщину,

внимание обратил. А он еще и руку на нее поднимает, если она медленно поворачивается и остывшую еду подает. Ур-р-род стозеркальный, — Боря поморщился и добавил: — Если бы не Таська, ушел бы я от них. Пусть сами как хотят. Вот поехал бы вместе с тобой в Софиенград.

— А чего? Давай! — загорелся Андрей. — Места в фургоне хватит.

— Ну, магически бы было, — вздохнул Боря. — Мы с тобой там сокровище Ястребовых нашли бы.

— Какое?

— Ну, я рассказывал же тебе. Под Софиенградом подземные ходы есть, целый лабиринт, почти подземный город. Там раньше заговорщики собирались. Ну, знаешь, заговор Ястребовых, когда они царицу Софью хотели извести?

— Преображенский бунт?

— Да нет же. Вообще, их два было, заговора, нам Игорь Петрович на историческом кружке рассказывал. Выдержки из архивов давал читать. Там странность такая: сначала был Преображенский бунт, который устроили Полозовы, а Ястребовы тогда как раз царице помогли. По некоторым источникам так. А потом, через несколько лет, когда строился Софиенград, был какой-то мутный заговор, в котором участвовали уже Ястребовы. А в учебниках эти события обычно в одно объединяют.

— Почему мутный? — без особого интереса спросил Андрей. Когда Боря заводился насчет этой всей древней истории и ее загадок, его было невозможно остановить.

— Ну... — Боря задумался. — Непонятно, из-за чего они бунтовали и зачем. Вроде бы, с одной стороны, против царицы Софьи, чтобы своего, Ястребова, на трон посадить. С другой стороны, они как раз Софью поддерживали всегда. А может, что-то там как раз из-за сокровищ получилось. Говорят, их так и не нашли и они где-то в подземных лабиринтах под Софиенградом. План этого лабиринта потерян, а так в него опасаются соваться. Почвы там болотистые, все ходы только на одной магии держатся, а самый длинный ход еще и под Невой идет. Представляешь, вот бы эти сокровища найти! — Боря вздохнул и добавил: — Мы бы тогда известными стали. Может, нас бы даже орденами наградили. Может, даже государь-император лично. Или царевна.

Андрей хотел было сказать: с чего бы за какие-то сокровища орденами награждать, тем более лично царевне, но очень уж мечтательное у Бори было лицо, не хотелось его огорчать.

— Я бы еще дом нормальный купил. Для Таськи. Ну и для мамы, если она этого уroda оставит. А сам бы путешествовать поехал. Если как птица нельзя, тогда просто как человек. Интересно поглядеть, где что. И с принцессой, конечно, встретиться. Если бы я был богатым путешественником, это было бы проще, чем сейчас. Но лучше, конечно, птицей. Или магом, который умеет в птицу превращаться. А ты хотел бы быть магом?

— Не знаю, — Андрей задумался. — Если бы они умели время обратно поворачивать, я бы тогда

сделал, чтобы родители были живы. С ними вообще все по-другому было. Здорово. У нас был настоящий дом, ну и фургон тоже. Мы так же с закуской ездили, но это было как приключение. А сейчас — работа. И Симон каждый раз дергается, что заработаем мало, на бензин не хватит, на новые закупки. Или что фургон сломается, или с документами что-нибудь не то будет. Он все время сейчас дергается, хотя старается показать, что спокоен. Раньше, с родителями, мы все время домой возвращались. А сейчас кажется: едем, едем, вот-вот приедем куда-нибудь наконец — и не приезжаем...

Андрей замолчал, а потом добавил:

— Но Лиза говорит: никакой, даже самый сильный, маг такого не умеет — оживлять мертвых и поворачивать время назад.

Боря тоже молчал, глядя на море. Гроза подняла мохнатую башку, насторожила уши и посмотрела на ребят встревоженно: мол, что-то не так?

— Нормально все, — сказал ей Боря, — но ты все равно охраняй.

Гроза положила голову на лапы и посмотрела на него, а потом на Андрея умными и печальными глазами.

— Также чувствует, что ты уезжаешь, — сказал Боря. — Скучать будет. Я вот что придумал, только не смейся.

Он вынул из-за пазухи сверток, осторожно развернул. Под тканью обнаружился нож с тонким узким лезвием и красивым черным узором на рукоятке.

Гроза, увидев нож, встревожилась, вскочила и зарычала, пристально глядя на оружие.

— Тихо, ты чего? — удивленно спросил Боря.

— Красиво, — сказал Андрей. — Это откуда?

— У отчима одолжил, — хмыкнул Боря. — Может, он правда магический?

— А зачем?

— Только не смейся, — опять смущенно повторил Боря. — Если не захочешь, тогда не надо.

— Чего?

— Помнишь американское кино про вождя Соколиное перо и бледнолицего воина?

— Которого индейцы еще дразнили белокожей лягушкой?

— Ну это сначала. Потом же он стал братом Соколиного пера.

Конечно, Андрей помнил. Этот фильм они смотрели по визору у Длинного. Визор был американским, контрабандным: папаша Длинного, моряк дальнего плавания, привез его откуда-то из-за границы. К визору прилагались пластинки с фильмами. Они были, конечно, без перевода, но кое-что переводил Длинный, когда ему было не лень, а кое-что было и так понятно. В отличие от российского магзеркала, которое показывало только те фильмы, что шли по программе, по визору можно было смотреть кино, которое ты выбираешь сам. Длинный сказал, что в Америке — не монархия, а демократия и, главное, Поводыри там не имеют такой силы, как у нас. Люди там сами решают, куда им идти и что смотреть. Поэтому кроме магзеркал

с официальными программами есть еще и визоры. А визоры, мол, — вообще особые устройства, сделанные безо всякой магии, поэтому на границах при магконтроле их сложно обнаружить. Так их и провозят. Вот в это Андрей не особенно поверил: как это, такие сложные устройства — и работают без магии? Вот даже те мобили, что на бензине, — без магконтура, и то для первого запуска их Поводырь всегда зачаровывает. Иначе не поедет. Или поедет, но совсем не туда, куда надо. А потом еще нужны ежегодные магосмотры с корректировкой, иначе мобиль сломается. Так что вряд ли этот визор совсем без магии.

Но фильмы по нему можно было посмотреть магические. По зеркалу таких не показывали. Ну вот так, чтобы обыкновенный солдат подружился с магом и вождем. И не просто подружился, а стал ему побратимом. А потом и сам стал магом — и тоже научился превращаться в сокола, как и вождь. Видно, из этих фильмов Боря и позаимствовал идею о том, что маги умеют превращаться в разных животных, а обыкновенный человек может стать магом. Хотя всем известно, что это не так: магами становятся по рождению только знатные аристократы. Но Боря говорит, что раньше все было по-другому: мол, в старых летописях сплошь и рядом — про магов из простых родов, воинов-дружинников, которым князь потом даровал почести, титулы и фамилии уже по их заслугам. И про оборотничество там открытым текстом: «полетел соколом», «рыскал серым волком». Это сейчас придумывают, что, мол,

это такие метафоры. Но на самом деле предки наши были людьми простыми, как было — так и писали, ничего не выдумывали. А еще Боря говорил, что способность превращаться в птиц и других животных доказывается гербами древних родов, где полно соколов, медведей, львов и прочих тварей. У Рюрика — сокол, у новгородских родов — медведи, у императорской семьи — орлы.

У индейцев и других диких племен гербов, конечно, не было, но имелись тотемы, духи-покровители. Вот у того, из фильма, как раз сокол.

Выходило вроде и складно, только было непонятно, зачем это скрывать. А на это Боря сказал: мол, так тебе маги всю правду про себя и рассказали! Тут Андрей был с ним согласен: про магов вообще было много непонятного, делиться секретами они не торопились, как и дружить или брататься с простыми людьми. Такое происходило разве что в фильмах, да и то американских.

— Если не хочешь — так и скажи, — смущенно сказал Боря, видно, по-своему поняв молчание Андрея.

— Давай, — решился Андрей, до которого только сейчас дошло, что ему предлагает друг, и протянул руку за ножом. — Только, чур, я буду вождем Соколиное перо!

— А я, что ли, бледнокожей лягушкой? — обиделся Боря, но видно, что не всерьез.

— Да ладно, это все равно ненадолго. А потом станешь моим братом, и никто не вспомнит, что ты был бледнокожей лягушкой. Почти никто.

Боря ткнул его кулаком в бок, а Андрей расхохотался.

— Главное, чтобы ты не начал в нее оборачиваться, когда обретишь магические способности, — добавил он и увернулся от очередного тычка в бок.

Резать себе руку неожиданно оказалось очень сложно. И нож с черным узором лежал в руке как-то странно, с жадным нетерпением нацелившись на вторую ладонь. Будто он был живой. Может, и правда магический?.. Вдруг на один миг стало очень страшно и захотелось его отбросить и больше никогда не прикасаться к удобной рукоятке, покрытой странной черной вязью.

Боря смотрел на него внимательно. И Гроза, будто ощущая серьезность момента, подняла голову и тоже глядела пристально и выжидающе. Можно было, конечно, рассмеяться, сказать: «Да ну, глупости какие мы придумали!» — и вернуть нож Боре. Потому что Андрей вдруг почувствовал, что это не глупость, никакая не шутка и не игра. А наоборот, очень важное решение, одно из тех, которые поворачивают реку истории по другому руслу. Необязательно какую-то глобальную историю. Но истории их с Борей жизнью — точно. Где-то он слышал про такие моменты... Во сне? Да нет же, наверное, на уроке. Историк Игорь Петрович любил такие специальные термины. Точка бифуркации — вот как это называется. Точка, после которой ничто уже не будет прежним.

И Андрею стало страшно, захотелось вернуть Боре нож, сказать что-нибудь шутовское и забыть об этом разговоре.

Но потом Андрей разозлился на свои нерешительность и слабость. Зажмурился и резко полоснул ножом по руке. Сначала подумал: слишком сильно, — но порез оказался небольшим, кровь не лилась, просто капала тяжелыми бордовыми каплями.

Андрей протянул нож Боре.

Кровь пятнала камни и растворялась в морской воде. Можно было сказать: «Море и камни будут свидетелями клятвы», как в том фильме. Только там вождь Соколиное перо говорил про прерию и ветер. Но Андрей промолчал. Он и без слов знал: так и будет.

И когда они соединили разрезанные ладони, Андрей просто сказал:

— Побратимы.

— Братья, — поправил его Боря, — братья навек.

А через некоторое время добавил:

— Теперь, если ты попадешь в беду, я всегда узнаю, где бы мы оба ни были, и приду на помощь откуда угодно.

Взгляд при этом у него был серьезным.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

